

МОДЕЛИ ЮВЕНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

В статье раскрываются отдельные проблемы типологизации уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних. Дается краткая характеристика различных моделей ювенального уголовного судопроизводства. Автор приходит к выводу о теоретическом многообразии указанных моделей и о практической целесообразности реализации поливариантных конструкций производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, модель, классификация, ювенальное судопроизводство, уголовное преследование.

В процессе эволюции уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних сформировались различные модели ювенального правосудия. Теоретическая разработанность проблемы моделирования системы ювенального уголовного судопроизводства не отличается полнотой и избыточностью, а отечественными и зарубежными теоретиками и практиками применительно к ювенальному правосудию как синонимичные часто применяются термины «парадигмы», «стратегии» и «модели».

К настоящему времени оформилось значительное число моделей ювенального судопроизводства. Они отличаются друг от друга целевыми установками, процессуальной спецификой, вариативностью применения тех или иных мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Однако эти модели являются теоретическими конструкциями, то есть в чистом виде практически не встречаются ни в одной стране.

Некоторые российские исследователи предлагают делить модели ювенального уголовного судопроизводства на два типа: *континентальную модель* и *англосаксонскую модель* [9, с. 67-99]. При этом в качестве примера континентальной модели приводится французская система ювенальной юстиции, а в качестве англосаксонской – некая абстрактная модель, приписываемая США. Основным критерием такого деления является правовая традиция, то есть в основу такого деления положены различия, существующие между системой континентального права и так называемой системой общего права (*common law*). Полагаем, что использование такого моделирования ювенального уголовного судопроизводства может быть весьма ограниченным и применимым для решения про-

межуточных задач сравнительного анализа. Как пишет Э.Б. Мельникова, «пройдя эту стадию, легче сравнивать суд американский с английским, французский с бельгийским» [9, с. 68]. Как правило, в качестве основных критериев в данной классификации рассматриваются *особенности подсудности* и *особенности судебной процедуры*.

Следует согласиться с тем, что в системе *common law* по сравнению с континентальным правом существует достаточно неопределенная и расплывчатая подсудность. В системе континентального права предметная подсудность закрепляется на законодательном уровне, в рамках общего права она во многом определяется спецификой прецедентной практики. В то же время в системе общего права изначально появляется больше возможностей для функционирования альтернативной подсудности за счет более простого и часто законодательно не закрепленного механизма передачи уголовного дела в отношении несовершеннолетнего для рассмотрения в общеуголовный суд. Вопрос о передаче уголовного дела может быть отнесен к дискреционным полномочиям ювенального суда. К тому же в тех же, например, американских штатах самостоятельно решают вопрос о подсудности уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

Особенности персональной подсудности в рамках данной классификации выражены не столь ярко, единственное, что следует отметить, что в рамках континентального права, как правило, устанавливаются законодательные рамки нижнего и верхнего порогов рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних правонарушителей специальными ювенальными судами. В то же время и в системе общего права, и

в континентальном праве в силу дискреционных полномочий ювенальный судья может применить меры воспитательного воздействия и надзора и в отношении несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности. Например, французский ювенальный суд в праве применить меры воспитательного воздействия (запрет общения с потерпевшим и т. п.) в отношении несовершеннолетних, достигших десятилетнего возраста. В системе общего права несовершеннолетнему, достигшему определенного возраста, часто предоставляется право выбора подсудности, реализуемое через подачу ходатайства о передаче его дела в общеуголовный суд.

Э.Б. Мельникова акцентирует внимание на различных подходах англосаксонских и континентальных ювенальных уголовных судов в решении вопроса о рассмотрении уголовных дел в отношении взрослых соучастников преступлений несовершеннолетних. Как правило, в системе общего права такие дела подсудны общеуголовным судам, в то время как система континентального права допускает значительное число случаев, когда уголовное дело в отношении взрослого соучастника несовершеннолетнего рассматривается ювенальным судом [9, с.68]. Например, во Франции уголовное дело в отношении взрослого соучастника может рассматриваться как общеуголовным судом, так и судом присяжных, в подсудность которого входит рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления в возрасте от 16 до 18 лет. Однако из общего правила всегда есть исключения, которые подтверждают условность данной классификации: английское уголовное судопроизводство, традиционно базирующееся на принципах общего права, допускает передачу дела взрослого соучастника по итогам суммарного производства или перед ним в ювенальный суд.

Вторым критерием, отличающим ювенальное уголовное судопроизводство в системе континентального и англо-саксонского права, являются, по мнению Э.Б. Мельниковой, *особенности судебной процедуры* в суде по делам несовершеннолетних [9, с.69]. В качестве признака, отличающего американскую систему ювенального уголовного судопроизводства от континентальной системы, выделяется простота и оперативность уголовного процесса в системе об-

щего права. С данным тезисом можно согласиться только отчасти. Действительно, общее право изначально формировалось преимущественно как процессуальное право и, естественно, что последнее получило значительное развитие в данной правовой традиции. Однако тенденция к усилению оперативности, к ускорению уголовного судопроизводства, к развитию упрощенных форм производства, в том числе и по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, в настоящее время не является чистой прерогативой стран общего права и распространяется на большинство стран в рамках западной традиции права. Например, во Франции в рамках реформы ювенального правосудия, начавшейся фактически в конце прошлого столетия и продолжающейся по настоящее время предпринимаются значительные усилия по преодолению медлительности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних и предлагается введение ускоренной процедуры производства по делу в отношении несовершеннолетнего (*Le jugement a délai raccourci*). В качестве доводов в пользу таких реформ выдвигается тезис о том, что продолжительная процедура ювенального уголовного судопроизводства способствует дальнейшей маргинализации и криминализации несовершеннолетнего.

Оперативность и простота ювенального уголовного судопроизводства в американской модели весьма условна и наиболее ярко проявлялась лишь в рамках так называемого классического реабилитационного правосудия, с которого и начиналась ювенальная юстиция в США. Характерно, что традиции реабилитационного правосудия, о котором речь пойдет ниже, к тому же получили широкое распространение не только в США, но и во французской системе ювенальной юстиции. К сожалению, как показывает эволюция ювенального уголовного судопроизводства, в рамках «неофициального», «неформального» скорого правосудия существует значительный риск нарушения прав несовершеннолетних правонарушителей. Осознание этого обстоятельства приводит к тому, что в современном мире идет активный поиск альтернативных способов ускорения ювенального уголовного судопроизводства.

В рамках и американской и французской моделей ювенальное уголовное судопроизвод-

ство состоит из различных процессуальных досудебных и судебных стадий. При этом в системе американской ювенальной юстиции наблюдаются большие вариации в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

В континентальном праве уголовное преследование может быть прекращено без участия судьи, в то время как в системе общего права обычно решение об альтернативе судебному разбирательству дела принимается только судьей. В системе континентального, в частности французского, права в большинстве своем границы дискреционных полномочий очерчиваются законодательно, а соответственно степень судейского усмотрения не столь значительна, как в системе общего права. Примечательно, что обе из рассматриваемых моделей содержат элементы состязательности на стадии судебного разбирательства.

В целом такая классификация демонстрирует ряд традиционных различий в системе континентального и англосаксонского права. Однако очевидно, что в рамки данной классификации очень сложно поместить то многообразие моделей ювенального уголовного судопроизводства, которое существует в современном мире. Нельзя не учитывать того обстоятельства, что в рамках континентальной Европы представлено несколько моделей ювенальной юстиции, точно так же как в США практически каждый штат имеет свою систему ювенального уголовного судопроизводства. К тому же система ювенального уголовного судопроизводства – это не статичное, а динамично развивающееся образование, которое в рамках конкретного государства проходит определенный путь развития и претерпевает различные эволюционные или революционные преобразования, а взаимопроникновение принципов континентального права и принципов общего права применительно к уголовному судопроизводству с каждым днем становится все более значительным. Яркий тому исторический пример – формирование уголовного судопроизводства Шотландии, вобравшего в себя элементы прецедентного права и принципы французского уголовного судопроизводства. В качестве современных примеров можно привести процесс реформирования итальянского уголовного судопроизводства на основе заимствований из системы общего пра-

ва, что постепенно начинает отражаться и на системе итальянского ювенального правосудия.

Таким образом, главным недостатком данной классификации является игнорирование многообразия существующих в современном мире систем ювенального уголовного судопроизводства, исторически сформировавшихся в различных странах западного мира. Сложно поместить в данную классификацию и систему уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, сложившуюся в Российской Федерации.

Следующая классификация, часто описываемая как в зарубежной, так и в российской литературе, выделяет три основные модели ювенального уголовного судопроизводства [6, с. 56-103]: *карательную модель, реабилитационную модель, восстановительную модель*. В целом подобное деление может быть положено в основу классификации, однако требует некоторых дополнений с учетом меняющихся парадигм уголовной политики различных государств в отношении несовершеннолетних правонарушителей и разработки новых или частично обновленных уголовно-процессуальных стратегий. В работах зарубежных исследователей предлагаются альтернативные классификации. Например, Джон Пратт предлагает выделять три модели ювенального судопроизводства: *модель вельфаризма, модель надлежащего правосудия, модель корпоративизма* [1, с. 404-411]. Другие авторы настаивают на более сложной классификации, предлагая следующие модели: *модель вельфаризма, модель надлежащего правосудия, минимальную интервенционную модель, неокоррекционную модель (неолиберальную), восстановительную модель* [2]. Следует сразу оговориться, что предлагаемые классификации представляют собой также чисто теоретические конструкции, поскольку в чистом виде в системе ювенального уголовного судопроизводства не реализуются ни в одной из стран [4, с. 9]. В частности, Йохан Герделер, директор немецкой ассоциации ювенальной юстиции, характеризует модель ювенального уголовного судопроизводства Германии как «смесь» реабилитационной модели, модели надлежащего правосудия, минимальной интервенционной модели с элементами восстановительного правосудия [3]. Изучение данных моделей позволяет совершенствовать процесс конструирования нацио-

нальных систем ювенального уголовного судопроизводства за счет практического воплощения отдельных элементов той или иной модели. Охарактеризуем в общих чертах обозначенные модели.

Карательная модель ювенального уголовного судопроизводства рассматривается как практическое воплощение карательной уголовной политики и строится на существенном совпадении «взрослого» уголовного судопроизводства и уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. В ее основании часто лежит концепция обеспечения контроля над преступностью. Подобная модель отличается унификацией уголовно-процессуальной формы и незначительной ее дифференциацией, значительным преобладанием публичного начала над частным, отсутствием возможности для применения альтернативных способов разрешения уголовного конфликта, обвинительной направленностью уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

Реабилитационная модель уголовного судопроизводства «основывается на известной криминологической идее, что преступники не могут полностью отвечать за собственные поступки, обусловленные их индивидуальными характеристиками и/или социальными факторами» [10, с. 74-75]. Именно эта модель представлена в качестве первоначальной модели ювенальной юстиции, а ее зарождение достаточно подробно описано при раскрытии процессов становления специального ювенального правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей. В силу данных обстоятельств ряд исследователей называет данную модель *традиционной*. В ее основе лежит принцип индивидуализации обращения с несовершеннолетним правонарушителем и его социальной реабилитации. Именно в недрах этой модели возникли основные принципы ювенального уголовного судопроизводства: социальной насыщенности, индивидуализации, конфиденциальности. Основной целью реабилитационной модели ювенального уголовного судопроизводства является обеспечение социальной реабилитации несовершеннолетнего правонарушителя, корректировка его поведения. Данная модель исходит из возможности создания неформальной процедуры разбирательства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего.

С начала прошлого столетия и по настоящее время модель претерпела ряд изменений и стала более вариативной. Поскольку в основе реабилитационной модели лежит идея благополучия несовершеннолетнего правонарушителя, эту модель в последнее время обозначают как ювенальную *модель вельфаризма*. В центре производства по уголовному делу находится не совершенное несовершеннолетним преступление, а достижение благополучия и благосостояния несовершеннолетнего правонарушителя. Как следствие такого подхода значительное место в ювенальном уголовном судопроизводстве занимает социальное сопровождение уголовного процесса, связанное со сбором информации, характеризующей личность обвиняемого, его социальное окружение, раскрывающей возможные причины противоправного поведения и способы его корректировки.

Несмотря на то, что модель ориентирована на личность несовершеннолетнего правонарушителя, на его реабилитацию, она несет в себе большой риск нарушения прав самих юных правонарушителей, так как, например, судья может поместить подростка для реабилитации в определенное закрытое исправительное учреждение на неопределенный срок. Для уголовного процесса, организованного в рамках данной модели, характерно наличие широких дискреционных полномочий судьи, лиц, осуществляющих уголовное преследование, и сотрудников службы пробации. Приходится признать справедливость мнения, согласно которому «там, где основное внимание уделяется лишь благосостоянию ребенка, линии между справедливостью и защитой детей легко размываются» [4]. Данная модель подвергалась достаточно жесткой критике в конце прошлого века именно за патернализм, нарушения прав несовершеннолетних, высокий дискриминационный потенциал, однако до сих пор в различных вариациях существует в Шотландии, Северной Ирландии, Ирландии, Польше, Болгарии. Следует согласиться с тем, что в рамках данной модели существует риск нарушения важнейших процессуальных прав несовершеннолетнего, в первую очередь презумпции невиновности и риск злоупотребления дискреционными полномочиями.

Выявление процессуальных нарушений в рамках данной модели и их осмысление на уровне государственной политики привело еще в XX

веке к тому, что в Канаде были внесены соответствующие изменения в 1984 году, а в Новой Зеландии в 1989 году, и законодательство, регулирующее ювенальное уголовное судопроизводство, претерпело изменения. В итоге многие государства в своей ювенальной уголовно-процессуальной политике стали двигаться от стратегии вельфаризма в сторону создания модели, обеспечивающей процессуальные права несовершеннолетнего правонарушителя и надлежащую формальную процедуру. Однако идеи социальной реабилитации продолжают воздействовать на систему ювенальной юстиции и в начале XXI века привели к формированию новых разновидностей вельфаризма в сфере ювенального уголовного судопроизводства.

Следующая модель, заслуживающая внимания, – *ювенальная модель надлежащего правосудия*. Ее можно обозначить как модель надлежащей юридической процедуры в рамках ювенального уголовного судопроизводства. Как подчеркивает Джон Пратт, «судебный процесс теперь принимает форму бюрократического административного производства» [1, с. 405]. При этом автор справедливо отмечает, что данная модель несводима к современной вариации карательного правосудия, поскольку акцентирует внимание на правах несовершеннолетнего [1, с. 404]. Данная модель имеет в качестве целевой установки преодоление недостатков реабилитационной модели, в первую очередь преодоление повторной преступности несовершеннолетних после (или в ходе) процесса реабилитации.

Отличительные черты данной модели: установление четкой формальной процедуры производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего; процесс в целом носит обвинительный характер, но содержит отдельные элементы состязательности; наличие процессуальных гарантий несовершеннолетнего в объеме не меньшем или большем, чем в уголовном процессе в отношении взрослых; создание условий для получения несовершеннолетним обвиняемым квалифицированной юридической помощи и активная роль адвоката; ограничение гласности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетнего; реализация судьейского усмотрения при выборе между мерами воспитательного воздействия и уголовным наказанием ограничена; наличие возмож-

ности обжалования приговора суда; заключение специалистов (педагогов, врачей, социальных работников и т. д.) носит рекомендательный характер и лишь отчасти может влиять на вынесение судебного решения по уголовному делу; разнообразие вынесенных судом приговоров со значительным числом обвинительных приговоров с назначением реального уголовного наказания.

Восстановительная модель хотя и не является чисто ювенальной, но достаточно интенсивно развивается как раз в сфере ювенального уголовного судопроизводства и основывается на создании условий для межличностного общения преступника и жертвы, на применении альтернативных мер разрешения уголовно-правового конфликта. Как отмечает Л.М. Карнозова, «восстановительное правосудие «входит» в ювенальную юстицию с уже существующей социально-реабилитационной инфраструктурой, не отменяя ее, но привнося новые принципы и цели, в первую очередь: исцеление жертвы и обязательство правонарушителя по заглаживанию вреда» [8, с. 93]. Модель ориентирована на отказ от уголовного преследования и на применение альтернативных мер разрешения уголовно-правового конфликта.

Следует подчеркнуть, что на уровне национального права восстановительная модель принимает различные формы. Одним из самых характерных и распространенных элементов этой модели является институт посредничества или медиации. В зарубежной практике медиативные процедуры используются весьма активно как раз в рамках ювенального производства и призваны обеспечить решение задач по вторичной превенции несовершеннолетнего правонарушителя. Во многих странах накоплен интересный опыт использования примирительных процедур в ювенальном уголовном судопроизводстве.

Описывая возможности медиации в системе ювенального правосудия, Л.М. Карнозова подчеркивает, что «это уже не только комплекс мер, направленных на решение проблем ребенка-правонарушителя, это создание воспитательных условий нового типа – направленных на формирование механизмов ответственного поведения. В отличие от наказания, которое является для наказуемого претерпеванием страдания, заглаживание вреда актуализирует ак-

тивную, деятельностную позицию подростка. А встреча с потерпевшим способствует осознанию последствий собственных действий» [7, с. 4].

Если в основе карательной модели ювенального уголовного судопроизводства лежит ярко выраженное государственное принуждение, а в основе реабилитационной – решение социальных и личностных проблем несовершеннолетнего правонарушителя, то восстановительное правосудие базируется на коммуникационных процессах, в его основе лежит специально организованное при помощи независимого посредника взаимодействие правонарушителя и жертвы. Следует согласиться с точкой зрения, согласно которой «программы восстановительного правосудия становятся достойной альтернативной практикой в пике карательному подходу, результатом которого является только растущая преступность несовершеннолетних» [5, с. 74].

Что касается *минимальной интервенционной модели*, то она является скорее внесудебной моделью ювенальной юстиции и отличается ориентацией на внесудебное разрешение уголовно-правового конфликта и хорошую сочетаемость (в качестве логичного дополнения) с моделью надлежащего правосудия.

Кроме перечисленных моделей в современных зарубежных странах формируются и сложные синтетические модели. Например, к их числу можно отнести так называемые *нео-коррекционную модель* и *модель корпоративизма*, в основе которых лежит синтез элементов реабилитационной модели, модели надлежащего правосудия и модели восстановительного правосудия. В последние годы эти модели реализуются в практике уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в некоторых штатах США, в Англии, то есть получили свое распространение в системе общего права. Примечательно, что механизм реализации данных моделей напоминает механизм рассмотрения дела о правонарушении несовершеннолетнего в российских комиссиях по делам несовершеннолетнего и защите их прав. В целом для подобных моделей *характерны следующие процессуальные черты*: уголовный процесс фактически сводится к некоему административному производству; сохраняются общая реабилитационная направленность ювенального уголовного судопроизводства и активное участие работников

социальных служб в разбирательстве дела; более активная позиция всех участников ювенального уголовного процесса; усиление диспозитивности ювенального уголовного процесса; учет мнения потерпевшего при определении наказания несовершеннолетнему или при выборе воспитательно-реабилитационных мер; внедрение альтернативных процедур разрешения уголовно-правового конфликта и процедур посредничества; ускорение ювенального уголовного судопроизводства за счет координации деятельности негосударственных структур, оказывающих помощь ювенальному суду в процессе судебного разбирательства.

Если попытаться поместить в обозначенную сложную классификационную систему существующую в России модель уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, то можно ее обозначить как преимущественно модель надлежащего правосудия с элементами реабилитационной модели. Хотя в своем историческом развитии российское ювенальное уголовное судопроизводство проходило через реализацию различных моделей: карательной, реабилитационной, надлежащего правосудия. В настоящее время идет активная работа по «оживлению» в существующую систему элементов восстановительного правосудия.

Таким образом, в настоящее время разработана поливариантная типология моделей ювенального уголовного судопроизводства. Практически полностью данные разработки проделаны западными учеными и активно используются современными российскими специалистами.

Любая модель ювенального уголовного судопроизводства представляет собой абстрактную теоретическую конструкцию, которая позволяет уяснить смысл и назначение уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, выработать рекомендации по внедрению в практику тех или иных элементов различных моделей. Это утверждение справедливо практически для всех современных государств: в Германии в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних реализуются элементы различных моделей (наличие законодательно закрепленной специальной процедуры, разработка механизмов реабилитации и применение примирительных процедур), в Италии есть ряд отличий в моделях, реализу-

емых на севере и юге государства, и т. д. Примечательно, что даже в рамках проводимых сейчас в России локальных экспериментов по созданию ювенального судопроизводства реализуются элементы различных моделей: например, в Ростовской области приоритет отдается элементам реабилитационной модели, в то время как в Москве больший акцент делается на

элементы восстановительного правосудия. Очевидно, что в современной России речь должна идти не о кардинальной замене реализуемой сейчас модели уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, а об ее модернизации за счет оптимального использования элементов различных моделей, описанных выше.

Список использованной литературы:

1. Corporatism: the third model of juvenile justice / Youth Justice: Critical Readings: edited by John Muncie, Gordon Hughes, Eugene McLaughlin. London-Thousand Oaks-New Delhi. 2006. P. 401-415.
2. Developments and Human Rights Issues in Juvenile Justice from a European and Global Perspective [Electronic resource]: ERNST MORITZ ARNDT UNIVERSITY OF GREIFSWALD –DEPARTMENT OF CRIMINOLOGY. URL: <http://jura.uni-greifswald.de/duenkel> (дата обращения: 12.01.2009)
3. IJJO Interview – Mr. Jochen Goerdeler. Director [Electronic resource]: German association for Juvenile Justice. Germany: URL: http://www.oijj.org/news_oijj_ficha.php.idioma=enrel. (дата обращения: 15.01.2009).
4. JUVENILE JUSTICE SYSTEMS: An International Comparison of Problems and Solutions / Editors: Nicholas M.C. Bala, Queen's University Joseph P. Hornick. – Canadian Research Institute for Law and the Family Howard N. Snyder, National Center for Juvenile Justice. – Toronto: THOMPSON EDUCATIONAL PUBLISHING, INC. 2002. – 280 p.
5. Гуськова А.П., Емельянов В.А., Юрченко Л.В. Уголовно-процессуальные вопросы организации ювенального судопроизводства в современной России. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. – 214 с.
6. Карнозова Л.М. Восстановительный подход к правосудию для несовершеннолетних // Восстановительная ювенальная юстиция. Практическое издание / Сост.: Коновалов А.Ю. – 2-е изд. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. – С. 56-103.
7. Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция: содержание понятия и перспективы в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. №3. – С. 3-7.
8. Карнозова Л.М., Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная. Учебное пособие. М.: Проспект, 2002. – 144 с.
9. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Учебное пособие. М.: Дело. – 2001. – 272 с.
10. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. Монография. СПб.: Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006. – 264 с.

Марковичева Елена Викторовна, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса, декан юридического факультета Орловского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, тел. 89192632695, e-mail – markovicheva@yandex.ru

Markovicheva E.V.

Model of juvenile justice: problems typology

The article revealed some problems typology of criminal justice for juveniles. This article gives a brief description of various models of juvenile justice. The author concludes the theoretical diversity of these models and the practical feasibility of multivariate models juvenile justice.

Keywords: juvenile offender, model, classification, juvenile justice, criminal prosecution.

Bibliography:

1. Corporatism: the third model of juvenile justice / Youth Justice: Critical Readings: edited by John Muncie, Gordon Hughes, Eugene McLaughlin. London-Thousand Oaks-New Delhi. 2006. P. 401-415.
2. Developments and Human Rights Issues in Juvenile Justice from a European and Global Perspective [Electronic resource]: ERNST MORITZ ARNDT UNIVERSITY OF GREIFSWALD –DEPARTMENT OF CRIMINOLOGY. URL: <http://jura.uni-greifswald.de/duenkel> (дата обращения: 12.01.2009)
3. IJJO Interview – Mr. Jochen Goerdeler. Director [Electronic resource]: German association for Juvenile Justice. Germany: URL: http://www.oijj.org/news_oijj_ficha.php?idioma=en&rel=SI&pag=050300&cod=204 (дата обращения: 15.01.2009).
4. JUVENILE JUSTICE SYSTEMS: An International Comparison of Problems and Solutions. Editors: Nicholas M.C. Bala, Queen's University Joseph P. Hornick, Canadian Research Institute for Law and the Family Howard N. Snyder, National Center for Juvenile Justice. Toronto: THOMPSON EDUCATIONAL PUBLISHING, INC. 2002. – 280 p.
5. Guskova A.P., Emelyanov V.A., Yurchenko L.V. Criminal proceedings on the organization of juvenile justice in contemporary Russia. Orenburg: Publishing Center OSAU, 2009. – 214 p.
6. Karnozova L.M. Restorative approach to juvenile justice // Restorative juvenile justice. Practical publication / Sost.: Kononov A.J. – 2 ed. – Perm: Izd PONITSAA, 2006. P. 56-103.
7. Karnozova L.M. Juvenile justice: the contents of concepts and perspectives in Russia // Questions of juvenile justice. 2007. №3. P.3-7.
8. Karnozova L.M., Melnikova E.B. Juvenile justice – the protective and restorative. Textbook. M.: Prospekt, 2002. – 144 p.
9. Melnikova E.B. Juvenile Justice: Problems of criminal law, criminal procedure and criminology. Textbook. Moscow: Delo, 2001. – 272 p.
10. Stojko N.G. The Criminal Procedure of the Western states and Russia: comparative theoretical and legal study of Anglo-American and the Roman-Germanic legal systems. Monograph. St. Petersburg: Faculty of Law, St. Petersburg State University Publishing, 2006. – 264 p.